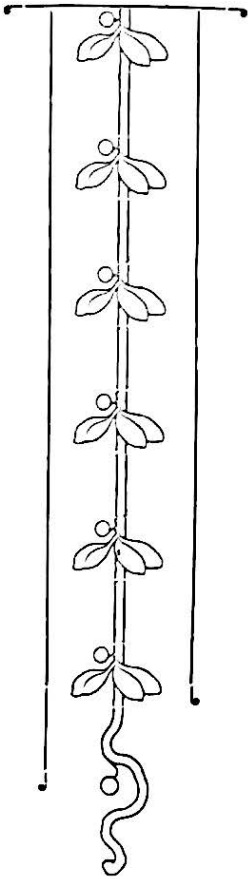

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Изъ воспоминаній о Чеховѣ.

Въ Москву пріѣхалъ А. П., когда шли репетиціи „Чайки“ въ Охотничьемъ клубѣ. Его встрѣтилъ Вл. И. Немировичъ-Данченко, который еще до постановки пьесы надѣялся на ея успѣхъ, несмотря на провалъ въ Александринскомъ театрѣ. Онъ говорилъ, что это одно изъ лучшихъ произведеній современной драматической литературы, и что эта пьеса должна быть репертуарной, во всякомъ драматическомъ театрѣ.

Репетиція А. П. понравилась, и онъ былъ на послѣдующихъ репетиціяхъ. Перваго спектакля авторъ не дождался и явился въ Москву только постомъ. Специально для него сыграли „Чайку“ въ Интернаціональномъ театрѣ, и послѣ спектакля всей труппой поѣхали въ „Прагу“, гдѣ просидѣли до утра... За бесѣдой, по просьбѣ артистовъ сказать, кто какъ игралъ, А. П. поставилъ баллы.

В. И. Немировичу-Данченко за разъясненіе и выраженіе желаній автора было поставлено 5 съ плюсомъ.

Баллы были разные, но справедливые: всѣ остались довольны. А. Л. Вишневскому далъ свою карточку съ надписью: „великолѣпному Дорну отъ ученика таганрогской гимназіи“.

Они учились вмѣстѣ. И вся квартира Вишневскаго полна памятью своего гимназическаго товарища. Большой портретъ, масса карточекъ, книжекъ съ подписями, славными товарищескими подписями...

„Чайка“ утвердила Художественный театръ. Не даромъ его эмблема, изображенная всюду — „Чайка“. А. П. всѣмъ „чайкистамъ“ роздалъ особые золотые жетоны въ видѣ своей книжки пьесъ съ фотографіями внутри.

Постановка „Чайки“ сдѣлала эпоху въ театральномъ мірѣ. Съ того момента пошло такъ называемое „настроение Станиславскаго“, создавшаго „mise-en-scene“.

Тогда слово „настроение“ еще не было опошлено. Каково и что такое было настроение, — понятно изъ слѣдующаго факта:

А. Л. Вишневскій получилъ письмо отъ одного крупнаго присяжнаго повѣреннаго, знатока литературы и театра, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ: „Когда задвинулась занавѣсь по окончаніи пьесы, послѣ вашихъ словъ:

— Уведите куда-нибудь отсюда Ирину Николаевну. Дѣло въ томъ, что Константинъ Гавриловичъ застрѣлился!..

Я былъ не въ себѣ. Я никогда не ждалъ такого смѣлаго конца!.. И я долгое время въ полузабытій оставался въ креслахъ одинъ, когда потушили огни...“

Вотъ за это настроение театръ и названъ „Чеховскимъ“.

А. Л.

